

ЖОРЖ ДЮМЕЗИЛЬ И ЕГО ТРУДЫ ПО НАРТОВЕДЕНИЮ

Л. А. Чибиров

В статье оценивается вклад выдающегося ученого XX столетия Жоржа Дюмезиля в нартоведение, подчеркиваются заслуги ученого в исследовании осетинской Нартиады. Анализируются основные труды французского исследователя, в которых на осетинском материале развивалась его трехфункциональная теория, подчеркивалась прямая преемственность эпической традиции от скифов – сарматов – алан до современных осетин. Ценность представляют исследования Дюмезиля в области мифологии нартовского эпоса, характеристики основных циклов и героев сказаний. Особый интерес представляют фольклорные параллели Нартиады и эпосов европейских народов (Артуриана, кельтские и скандинавские сказания), приоритет в исследовании которых принадлежит Ж. Дюмезилю. Ученый доказывает глубокий архаизм и информативность осетинского нартовского эпоса, настаивает на скифо-аланском происхождении первоначального ядра кавказской Нартиады. Творческое наследие Ж. Дюмезиля заложило фундамент современного нартоведения.

Ключевые слова: Дюмезиль, нарты, сказания, архаизм, герои, параллели, истоки эпоса.

The article estimates the contribution of the outstanding scientist of the XXth century Georges Dumézil to Nart studies, accentuates the researcher's input in studying the Ossetian Nartiada. The main works of the French scientist are analyzed, in which his trifunctional theory was developed on the Ossetian materials and the direct continuity of epic tradition from Scythians – Sarmatians – Alans to modern Ossetians was highlighted. G. Dumézil's researches of the Nart epos' mythology, characteristics of key cycles and legends' heroes are of great value. Folklore parallels of Nartiada with eposes of the European peoples (Arthurian legend, Celtic and Scandinavian legends), the priority in studying of which belongs to G. Dumézil, are of special interest. The scientist proves deep archaism and informativeness of the Ossetian Nart epos, insisting on the Scythian-Alanian origin of the initial core of the Caucasian Nartiada. G. Dumézil's creative heritage laid the foundation of modern Nart studies.

Keywords: Dumézil, Narts, legends, archaism, heroes, parallels, epos sources.

Жорж Дюмезиль (1898-1986) – выдающийся французский мифолог и исследователь нартовского эпоса, член Французской академии наук, почетный доктор и член многих других академий.

Ж. Дюмезиль был планетарного масштаба исследователь. В. И. Абаев назвал его крупнейшим ученым Франции в области гуманитарных наук, уникальным явлением в науке XX века [1]. Вот что писал о нем в некрологе, помещенном в газете «Юманите», известный ученый Ж.-П. Леонардини: «Был ли он историком, филологом, мифологом, лингвистом, грамматиком, антропологом? Он знал примерно тридцать языков – от галльского до санскрита, от осетинского до кечуа. Это был исследователь, не укладывающийся ни в какие классифика-

ции (inclassable). Он перекинул мосты между многими дисциплинами... Он был одной из самых крупных интеллектуальных фигур нашего века» [2, 224].

Мировую известность принесли Дюмезилю исследования по сравнительному изучению мифологии и религии индоевропейских народов, труды по нартовскому эпосу, знаменитая трехфункциональная теория. Среди деятелей кавказской фольклористики труды Дюмезиля по мифологии и эпосу кавказских народов, созданные им в течение полустолетия, стали настольными книгами.

До поры до времени казалось, будто мифологические и кавказоведческие исследования Дюмезиля не соприкасались, шли параллельно. Против этого мнения резон-

но возразил В. И. Абаев, ибо, как он писал, «была одна область, где эти две линии научной активности сошлись: осетинский эпос о героях, называемых Нартами. В нартовском эпосе пути Дюмезиля-мифолога и Дюмезиля-кавказоведа скрестились, и эта встреча оказалась на редкость счастливой. Она не могла быть иной, так как ученый был во всеоружии и кавказского материала и мифолого-фольклористической эрудиции» [1, 271].

Вслед за В. Ф. Миллером нартоведение обязано Ж. Дюмезилю в доказательстве преемственной связи скифов и осетин, обнаружении многих черт, какими рисовали античные авторы быт скифов и сармато-алан.

Вклад Дюмезиля в изучение нартовского эпоса огромен. Выводы и обобщения, сделанные им по эпосу, стали классикой в научном нартоведении, а его труды оказались буквально расцитированы.

По получении высшего образования в Париже Дюмезиль работал в вузах Турции и Швеции, а с 1835 по 1968 гг. – в разных учебных заведениях Франции. Будучи специалистом по языку и фольклору адыгов, Дюмезиль со временем увлекся языком и фольклором осетин, которых он называл последними потомками скифов. Особенно его очаровали осетинские нартовские сказания. А произошло это в 1926 г. когда на выставке советских книг в Париже («Образцы фольклора и письменности восточных народов СССР») он познакомился с первым выпуском «Памятников народного творчества осетин», изданным во Владикавказе в 1925 г. «Я напал, – пишет он, – на несколько страниц осетинских сказаний в русском переводе. Я провел часть моего отпуска за чтением этих текстов, восхищенный их содержанием. Осетинский вошел в мои индоевропейские занятия. Чтение статьи Туганова «Кто такие Нарты?» убедило меня, что осетины сохранили в своих сказаниях память о социальной системе, близкой к древнеиндийской» [2, 225].

Находясь уже в плену трехфункциональной теории, Дюмезиль не мог пройти мимо сообщения М. Туганова о том, что

нартовское общество состояло из трех родов – Алагата, Ахсартагата и Бората. Все три рода были носителями определенных функций, каждому отводилась особая роль (Алагата отличались умом, Ахсартагата – силой и храбростью, Бората – богатством и скотом). Одним словом, после знакомства со сказаниями Дюмезиль интуитивно почувствовал, какую роль призваны играть осетинские традиции в изучении индоевропейского наследия – деле, которому он собирался посвятить жизнь [2, 9].

О том, насколько пленили ученого нартовские сказания осетин, свидетельствует то, что через четыре года, в 1930 г., Дюмезиль уже издает первую монографию о них – «Сказания о нартах» [3]. Издана книга была на французском языке, с тем, чтобы познакомить научные круги Запада с эпосом народов Кавказа. Это была важная, рубежная книга, и по значимости В. И. Абаев сопоставляет ее со знаменитой статьей В. Ф. Миллера «Черты старины в сказаниях и быте осетин». Василий Иванович отмечал, что своей книгой Дюмезиль внес крупный вклад в познание о генезисе и содержании сказаний о нартах. В ней автор убедительно доказывает прямую преемственность в эпической традиции от геродотовских скифов до современных осетин. В книге Дюмезиль пустил в научный оборот все изданные к тому времени на русском языке варианты сказаний (осетин, адыгов, вайнахов, балкарцев, карачаевцев) и результаты их сравнительно-исторического анализа. В частности им рассмотрен ряд осетинских сюжетов о нартах, анализируемых с точки зрения трехфункциональной схемы. Дюмезиль первым из ученых обосновал связь деления нартов на три рода с индоиранской концепцией, в соответствии с которой идеальное общество должно объединять три сословия, соотносимые с тремя основными социальными функциями: магико-религиозной, ратной и хозяйственной. В этой работе, первым среди исследователей, Дюмезиль расположил сказания о нартах в систематизированном виде: выделил главные (Урузмаг и Сатана, Созырко-Сослан, Хамыц и Батрадз) и вто-

ростепенные циклы. В своей знаменитой книге «Нартовский эпос» В.И. Абаев сохранил предложенную французским ученым циклизацию сказаний, лишь добавив к главным циклам начальный (Уархаг и его сыновья). В предисловии книги Дюмезиль подчеркивает большую ценность нартских сказаний народов Кавказа, называет их «целой областью народной словесности». «В сущности, – писал он, – я заинтересовался этими сказаниями не столько потому, что в них можно почерпнуть данные по психологии, этнографии, фольклору, сколько потому, что в них проглядывают мифологические темы» [4, 25] (грозовой и солнечные герои. – Л. Ч.). И далее он говорит об истоках сказаний и о смысле их популяризации: «Если учесть, что многие нартские сказания, видимо, происходят из Осетии (а в отношении сказаний о Батрадзе это бесспорно), и если вспомнить, что осетины – последние потомки алан и через них – сармато-скифов, короче, последние представители многочисленной группы «северных иранцев», можно понять важность предпринятого исследования» [4, 25]. И завершает предисловие словами: «А обычаи скифо-сарматов, обрисованные Геродотом, и нравы, приписываемые в сказаниях осетинским нартам, с внушающей доверие точностью совпадают во многих чертах» [4, 25-26]. Одним словом, начиная с первой солидной публикации о нартах и до конца своих дней, он отстаивал скифо-аланские истоки формирования нартских сказаний.

В 1948 г. Дюмезиль на французском языке издает книгу «Локи», посвященную образу трикстера в индоевропейской традиции. В ней в качестве сравнительного материала активно привлекается осетинская версия нартских сказаний. Исследователь «проводит далеко идущие параллели между образом нарта Сырдона и враждой его с Сосланом и образом скандинавского божества Локи и враждой последнего с солнечным богом Бальдром, враждой, приводящей к гибели Сослана и Бальдра» [1, 272]. И Локи, и Сырдон своим происхождением связаны с миром богов. К обоим отноше-

ние общества особенное, настороженное. Оба наделены даром перевоплощения, оба они аморальны, коварны, хитрецы, пройдохи. Оба – комически-демонические фигуры, противоречивые, импульсивные, с воспаленным умом, способные совершить подлость. В характерах и действиях Сырдона и Локи много общего. По верному заключению Дюмезиля, «все черты Локи обнаруживаются в Сырдоне и все черты Сырдона – в Локи» [1, 101].

В 1965 г. в Париже на французском языке вышел очередной труд Дюмезиля «Книга о героях. Сказания о нартах» [5]. Он представляет собой перевод Дюмезилем книги «Нарты кадджытæ», изданной в 1946 г. в г. Дзауджикау (ныне Владикавказ). Ценность французского издания в том, что перевод на французский осуществлен не с русского варианта, а с осетинского. Дюмезиль настолько освоил осетинский язык, что сам перевел книгу с оригинала, сохранив, как он писал, простоту, наготу этих текстов, «в которых блестящие и образные выражения редки, повторения многочисленны и о самых диковинных вещах говорится между прочим, самыми обыденными словами» [4, 23]. Предисловие к книге французский ученый начинает с характеристики Северного Кавказа, проживающих здесь народов, и затем переходит к одному из этих народов. Приведенная ниже цитата пространная, но важная. «В центре хребта на север и запад от того ущелья, где русские проложили Военно-Грузинскую дорогу, живет народ, которому исторические изыскания вот уже трех четвертей века отводят роль, значительно превосходящую его численность, – осетины. До появления казачьих станиц осетины, в отличие от соседей – черкесов, чеченцев, дагестанцев, грузин, – были единственным во всей мозаике индоевропейским народом, к тому же весьма своеобразным. Последний осколок обширной группы племен, которых Геродот и другие историки и географы древности обобщенно называли скифами и сарматами, и которые в водовороте великих нашествий, под различными именами, в частности алан и роксалан, прошли по всей Европе, оста-

вив свой след и как бы свою подпись даже во Франции... Все эти людские массы... в конце концов исчезли, поглощенные славянскими, венгерскими, тюркскими образованиями. И только потомки алан, проявив большую жизненность, сохранили речь, происхождение которой легко объяснимо. В ней явно распознаются черты скифского языка – северного, рано обособившегося брата классических иранских языков. Отсюда понятен растущий интерес к осетинам, проявляемый с конца XIX в. лингвистами, историками, социологами, фольклористами и всеми, кто с какой-либо точки зрения изучает все индоевропейское. Самую прославленную часть осетинских преданий по праву составляют сказания о Нартах» [4, 17-18].

Далее в предисловии Дюмезиль пишет, как собирались сказания в Осетии, о трех нартовских родах-кварталах и их функциях, о скифских, индоевропейских чертах нартовского села, подчеркивая, что жители этих поселений ничем не отличаются от старой осетинской деревни, что здесь такие же строго регламентированные взаимоотношения между старшими и младшими. Дюмезиль представляет читателю пантеон богов, начиная с Уастырджи и Уацилла и кончая Сафа, Курдалагоном и Афсати, противопоставляя им другую категорию сверхъестественных сил – великанов. Через это содержательное предисловие и высококачественный перевод европейский читатель получил полное представление об осетинских нартовских сказаниях.

В 1968 г. увидел свет главный теоретический труд Дюмезиля «Миф и эпос». В нем автором «было дано общее представление о собрании нартовских сказаний в том виде, в каком оно сложилось к настоящему времени, и главным образом изучены эпизоды, построенные на трифункциональных темах» [6, 10]. Значительная часть этой монографии (переизданной в 1973 г.) посвящена нартам. В ней окончательно обоснована трехфункциональная теория. Более того, на основании сравнительного анализа наиболее характерных черт социального строя нартов, их быта и верований ученый

делает вывод о решающей роли осетинского этноса в формировании первоначально ядра сказаний.

В 1976 г. в Москве на русском языке вышла книга Дюмезиля «Осетинский эпос и мифология» [4], представляющая собой избранную часть вышеозначенной книги. Тексты для издания отобрал В.И. Абаев. Он же написал предисловие и снабдил книгу примечаниями; перевод осуществила А. Алмазова.

В 1990 г. на русском языке выходит вторая монография Дюмезиля «Скифы и нарты» [6]. Она представляет собой сокращенный вариант его обширного исследования «Romans de Scythie...» [3]. В книгу вошли отдельные главы, отрывки (разделы) из книг Дюмезиля «Сказания о нартах» и «Локи». В ней на широком историко-мифологическом материале ученый рассматривает ряд мотивов осетинского и адыгского эпосов, трактуя их как на теоретическом уровне (прежде всего с позиции неомифологизма), так и на уровне социальном. В этой книге Дюмезиль впервые проводит довольно любопытную параллель между дочерью Солнца Тапати, богиней домашнего очага скифов Табити и героиней нартовского эпоса Ацырухс. Исследование социальной организации скифов подвело ученого к упоминаемой выше трехфункциональной схеме, в которой он увидел концепцию социального устройства и социальной идеологии индоевропейских народов.

В книге много интересного о трех скифских родах, о «беременности» нарта Хамыца. Проведены скифо-нартские (осетинские) параллели: «чаша героев» – Уацамонга; погребальные обряды; представления о загробной жизни и т.д. В монографии ученый основательно доказал наличие трехфункциональной схемы в индоевропейском мире. Большие разделы книги посвящены сопоставительной характеристике солнечного и грозного героев нартов – Сослану и Батрадзу.

Отвечая на вопрос, что принесло Дюмезилю мировую известность, можно однозначно утверждать: учение о трехфункциональной идеологии индоевропейских

народов (римлян, скандинавов, иранцев). Суть его – у индоевропейских народов с глубокой древности определились три социальные функции: жреческая (культовая), военная и хозяйственная (земледельцы, скотоводы, ремесленники). В. И. Абаев в специальной статье, посвященной этой теории («Заметки о трифункциональности»), писал, что ее универсальная значимость заключена не в абстрактном умозрительном построении. Теория разработана ученым индуктивно в результате изучения социальных реалий. Потому она будет вновь и вновь находить подтверждение в религиозных системах, в мифах, легендах и преданиях самых различных народов, как индоевропейских, так и неиндоевропейских [7, 423-428]. При этом большинство аргументов для обоснования своей теории взяты Дюмезилем из мифологии и эпоса осетин (дары-символы, три брата – три функции и др.). Помимо Абаева специальными исследованиями трехфункциональной теории занимались и другие ученые [8].

В 1978 г., в год 80-летия Дюмезиля, на французском языке выходит в свет его очередная книга по нартовскому эпосу – о сказаниях скифов и соседних народов. В своей рецензии на книгу Абаев дает блистательную оценку этому замечательному труду ученого [9]. Целые разделы книги Дюмезиля посвящены виднейшим героям эпоса – Батрадзу и Сослану. В образе Батрадза он распознает черты грозного божества и устанавливает родство его со скифским богом Аресом и с ведийским Индрой. Ученый заострил внимание на поразительной близости легенд о болезни и смерти нарта Батрадза и короля Артура. Вот что он писал по этому поводу: «Мой коллега Жоэль Грисвар стал находить соответствия между эпосом осетин и эпосом островных кельтов, причем столь точные и поразительные, что они не могут быть случайными». Пораженный этой параллелью, Дюмезиль пишет: «Эта первая встреча Осетии и Кельтов, касающаяся важных персонажей и редких сюжетов, ставит ряд больших вопросов: общее наследие? Заимствование? Если заимствование, то через какое посредство и в

какую эпоху?» Думается, из двух вариантов ответа (общее наследие или заимствование) наиболее правдоподобно заимствование, имеющее прочное историческое обоснование – отправка римлянами 5,5 тысяч сарматских катафрактариев в Британию во II в. и пребывание значительной части алан в Галлии в IV в. как следствие Великого переселения народов. Вот яркий пример ареальных связей нартовского эпоса осетин; в Британию сюжеты нартовского эпоса внедрились через посредство их носителей – сармато-аланских племен.

Образ другого выдающегося нарта Сослана (Созырко) Дюмезиль охарактеризовал сначала в книге «Легенды о нартах», а затем – в вышеозначенной книге. При этом если Батрадзу были присущи черты грозного бога, то в образе Сослана обнаруживаются черты солнечного божества. Ученый отмечает, какую зловещую роль сыграло чудесное Балсагово Колесо в судьбе Сослана, проводит параллель с аналогичным колесом в ирландских сагах уладов.

В своих исследованиях по нартам Дюмезиль не обошелся и без критических замечаний в адрес первых собирателей эпоса. Одним из тех, кто собирал кабардинские нартовские сказания, был Шора Ногмов. В своей «Истории адыгейского народа» он использует как исторический источник нартовские сказания адыгов. Ногмов сопоставляет сказания с реальными событиями истории адыгского народа, что, по словам Дюмезиля, фантастично. Однако ему не импонировало то место в статье М. С. Туганова: «Кто такие нарты?» [10], где утверждалось, что полнота и законченность осетинских сказаний дает основание для доказательства осетинского происхождения эпоса. Подчеркивая наличие сказаний о Нартах у всех горских народов Кавказа, Туганов писал: «Ни один из них не знает ни начала, ни конца нартов, не говорит о том, где и как родились нарты, кто жил до них и кто после, тогда как у осетин излагается все от начала до конца» [10, 327]. Туганов отмечал общность большинства имен, близость обычаев нартов и древних осетин, и, добавив от себя, еще богатство

и стройность осетинских сказаний с богатейшей религиозно-мифологической системой и ареальными связями на широких пространствах Евразии. Но ведь это же сущая правда, напрашивающийся сам по себе вывод, к которому иными путями пришел и сам Дюмезиль!

Велики заслуги ученого и в популяризации нартовских сказаний за рубежом, в том, что сегодня они получили мировую известность. Это его книга о героях и другие издания, начиная с 30-60-х гг. XX в. Особенно же этому способствовала книга «Легенды о героях», вышедшая в 1965 г. в издающейся при ЮНЕСКО серии «Выдающиеся произведения мировой литературы».

Представляет интерес эволюция взглядов ученого относительно происхождения нартовских сказаний.

В книге «Легенды о нартах» ученый писал, что только два народа, а именно черкесы (адыги) и осетины, могут реально претендовать на авторство нартовского эпоса. Позже, по мере накопления материала и развития теории трехчленной организации древнего общества, он внес коррективы в свою позицию: из этих двух претендентов он отдал предпочтение осетинам, считая что большая часть нартовских сказаний и многие образы нартов имеют аланскую, сармато-скифскую основу, т.е. в конечном счете – осетинскую. Заявляя об этом, Дюмезиль в то же время считал необходимым тщательное изучение и точное сопоставление нартовских мотивов с данными Геродота или Марцеллина. В противном случае всегда остается возможность недооценки адыгского вклада в нартовский эпос, в частности в цикл о Созрыко [8, 87].

Это заключение ученого не разделяли некоторые фольклористы, считая, что Дюмезиль не располагал достаточным количеством текстов сказаний других народов Кавказа [11, 13-14]. Подобные утверждения необоснованны, ибо Дюмезиль свободно владел русским языком. Поэтому, как писал лучший знаток наследия ученого В.И. Абаев, «трудно указать хоть одну сколько-нибудь значительную публикацию на русском языке о скифах или Нартах, ко-

торая ускользнула бы от его внимания и не была им проштудирована» [7, 436].

Вот поэтому в последующих работах, по мере углубленного изучения разных версий нартовских сказаний, Дюмезиль более четко выразил свое мнение о первоначальном ядре эпоса, его скифо-аланском происхождении. Первый раз о заимствовании эпоса соседними народами именно у осетин Дюмезиль писал в книге «Локи» (1959). Более определенно на этот счет он высказался в следующей книге «Легенда о героях». Ученый отмечал, что как «само родовое имя нартов, так и сама идея нартов и главные персонажи, воплощающие эти представления, родились в Осетии, а потом уже были восприняты соседними народами» [4, 18].

Изучая социальный строй нартов и их соседей, Дюмезиль подчеркивал: «Вплоть до присоединения к России их (осетин. – Л. Ч.) социальный строй, как и их соседей, не особенно отличался от того строя, который можно разглядеть у скифов Лукиана или даже Геродота» [4, 161]. На этом основании он писал об архаичности осетинского нартовского эпоса, называя чудом, что, пройдя историческую дорогу длиной две с половиной тысячи лет, осетины сохранили столько «пережитков» старины, выдержавших испытание временем. «Но это чудо неоспоримо, – заключает ученый, – по языку и фольклору осетины оказались одним из самых бережно относящихся к традициям индоевропейских народов» [4, 161].

Более четырех десятилетий нартовский эпос был в центре научных интересов Дюмезиля. В ходе написания новых работ и дальнейшего углубления теоретических традиций ученый вносил определенные коррективы в ранее написанные труды. Однако, как правильно подметил В.И. Абаев, «в одном вопросе на протяжении сорока лет ученый не изменил своей точки зрения: он сохранил непоколебимое убеждение, что основной фонд нартовских сказаний осетин является древним и оригинальным, унаследованным ими от богатой скифо-сарматской и аланской эпической традиции» [1, 14].

Суть рассуждений ученого сводится к следующему: центр формирования нартовского эпоса и его основного ядра представляет древняя и средневековая Осетия, с территории которой сказания о нартах постепенно проникли к соседним народам и далее к их соседям. При этом характеры некоторых героев подверглись разного рода изменениям, появились новые сюжеты, образы, чему во многом способствовал расцвет и возвышение средневекового аланского государства, в пределах которого проживали не только аланские племена. Последние не могли не испытать доминирующее культурное влияние господствующего этноса.

Разумеется, мнение одного ученого не всегда окончательно в науке. Однако ученый ученому рознь. Как правильно пишет Ю. С. Гаглойти, «мнение Ж. Дюмезиля по нартским проблемам важно, потому что он является не только отличным знатоком нартских сказаний народов Кавказа, но крупным специалистом в области адыгских языков и адыгского фольклора. К тому же совершенно очевидно, что ни в национальной ограниченности, ни в национальной предубежденности французского ученого упрекнуть нельзя. Поэтому выводы Дюмезиля, опирающиеся на тщательный анализ нартских сказаний как в синхронном, так и в диахронном планах, заслуживают, бесспорно, самого пристального внимания» [8, 89].

В последние десятилетия в северокавказских республиках издается множество книг по нартоведению. В научных кругах соседствующих с Северной Осетией республик нередко приходится сталкиваться с резким несогласием с выводами Дюмезиля. В издающихся работах проскакивают утверждения, будто Дюмезиль в последних трудах «не так последовательно придерживается прежней точки зрения» [12, 98].

Нижеприведенные выдержки (цитаты) из двух переведенных на русский язык книг Дюмезиля (содержащие все основополагающие мысли ученого) об осетинских нартских сказаниях и первоначальном ядре эпоса в корне опровергают позиции тех

нартоведов, которые стремятся выдать желаемое за действительное.

Я напал на несколько страниц осетинских сказаний в русском переводе (на выставке книг в 1926 г. в Париже. – Л. Ч.). Я провел часть моего отпуска за чтением этих текстов, восхищенный их содержанием. Осетинский вошел в мои индоевропейские занятия. Чтение статьи Туганова «Кто такие Нарты?» убедило меня, что осетины сохранили в своих сказаниях память о социальной системе, близкой к древнеиндийской [6, 22].

Осетины же преуспели вдвойне: они сберегли до наших дней не только язык как форму, несущую некое культурное содержание, но и само это содержание, в котором отразилось состояние скифской цивилизации на последних ступенях ее развития. А главное – живы бесценные, полные архаики эпические сказания, и, хотя в них проникли некоторые более или менее универсальные фольклорные темы, героические образы эпоса по-прежнему свежи и самобытны. Более того: эту устную словесность в той или иной степени восприняли соседние народы, искажив в ней как раз то, что было специфически осетинским, скифским [6, 8].

Ядро нартских сказаний пришло из Осетии, но соседние народы (абхазы, черкесы, чеченцы и ингуши) обогатили их новыми эпизодами и новыми героями [6, 8-9].

Сказания о нартах при нехватке древних источников позволяют сквозь обычный фольклорный туман порой разглядеть тени скифских богов [6, 25].

А обычаи скифо-сарматов, обрисованные Геродотом, и нравы, приписываемые в сказаниях осетинским нартам, с внушающей доверие точностью совпадают во многих чертах [6, 25-26].

Никто не станет оспаривать, что нартский цикл у них (осетин – Л. Ч.) более богатый и стройный, чем у черкесов... несколько групп нартских легенд, некоторые образы Нартов, по видимому, вышли из аланского, сармато-скифского, «евро-иранского», т.е. в конечном счете осетинского [6, 34-35].

Нартовский эпос, ядро которого, несомненно, сложилось у предков осетин, был воспринят большей частью их кавказских соседей и даже соседями их соседей; в общих чертах его заимствовали на западе абхазцы, черкесы, отдельные поселения балкарцев, на северо-востоке – чеченцы, ингуши и карачаевцы. У этих разных народов нарты зажили иной жизнью [6, 117].

Все... что известно об этих «европейских иранцах», относится к двум крайним точкам исторического пути длиной в два с половиной тысячелетия. И чудо, что в таких условиях все еще можно распознать столько «пережитков». Но это чудо неоспоримо: по языку и фольклору осетины оказались одним из самых бережно относящихся к традициям индоевропейских народов [6, 161].

Как и название «Нарт»... представление о нартах и главенствующие персонажи, воплощающие это представление, родились в Осетии, а потом уже были восприняты соседними народами, зачастую переосмыслены, а порой даже получили новую жизнь или обогатились новыми чертами [4, 171].

Что такое Нарты – на их исконной родине, т.е. у осетин, и у их самых последовательных восприимчивых? Легендарные герои, бойцы, жившие в глубокой древности; анализ их образов выявляет не одну мифическую черту [4, 171].

Осетины стойко сохранили унаследованную от скифов трифункциональную структуру при распределении нартовских героев по трем родам: Бората, Ахсартагката и Алагата. У черкесов как восточных, так и западных трифункциональная структура полностью исчезла, сохранился лишь род Алагата. У балкарцев и вайнахов сохранился род Ахсартагката. В абхазском эпосе трифункциональная структура полностью забыта [4, 172].

Преимственность фольклорных традиций осетин выдержала такое испытание

временем, равного которому я не знаю [4, 181].

Интересно проследить, как проявилась эта похвальная живучесть фольклорных традиций в Южной Осетии, а также у различных народов, заимствовавших у осетин ядро нартовского эпоса [4, 182].

И также очень примечательно, что ни один из соседних народов, которые заимствовали у осетин нартовский эпос, не сохранил организацию героев в три функциональных рода, и что, переняв некоторые темы, основанные на трифункциональной структуре, они их изменили... упразднив как раз эту структуру [4, 260-261].

Наконец, Ж. Дюмезилем высказано аксиоматичное положение о решающей роли предков осетинского народа в формировании первоначального ядра нартовского эпоса, которое по существу никем не опровергнуто. Оно служит ориентиром для тех ученых, для которых объективность в науке – превыше всего.

Именно у осетин и, без сомнения, частично уже у их далеких предков сформировалось ядро эпоса, ее главные персонажи. Я знаю, что публикуя это суждение, я огорчу моих черкесских и абхазских друзей, но истина дороже: в своей основе нартский эпос – осетинский... Он был воспринят многими соседними народами... многообразно трансформировался с потерями и обогащениями, приобретая в особенности различную моральную окраску [4, 169].

Эти высказывания – итог сорокалетних творческих усилий великого французского нартоведа в изучении эпоса народов Кавказа. Будем надеяться, что к объективному голосу маститого ученого прислушаются, что его идеи помогут внести больше глубины, трезвости и чувства ответственности в обсуждение проблем Нартиады, цель которого должна быть одна – научная истина.

1. *Абаев В. И. Ж. Дюмезиль – исследователь осетинского эпоса и мифологии // Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология / Под ред. и с послесловием В. И. Абаева. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1976. С. 268-273.*
2. *Абаев В. И. Жорж Дюмезиль // Дюмезиль Ж. Скифы и нарты / Под ред. Б. А. Калоева. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1990. С. 224-227.*
3. *Dumézil G. Romans de Scythie et d'alentour. Paris: Payot, 1978. 380 p.*
4. *Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология / Под ред. и с послесловием В. И. Абаева. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1976. 276 с.*
5. *Le livre des héros. Légendes sur les Nartes / Trad. de l'ossète par Georges Dumézil. Introduction et notes de Georges Dumézil. Paris: Gallimard, 1965. 266 p.*
6. *Дюмезиль Ж. Скифы и нарты / Под ред. Б. А. Калоева. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. 229 с.*
7. *Абаев В. И. Заметки о трифункциональности. Памяти Ж. Дюмезиля // Абаев В. И. Избранные труды. Религия. Фольклор. Литература. В 4-х т. Владикавказ: Ир, 1990. Т. I. С. 423-428.*
8. *Гаглойти Ю. С. Некоторые вопросы историографии нартского эпоса. Цхинвали: Ирыстон, 1977. 205 с.*
9. *Абаев В. И. Новая книга Жоржа Дюмезиля // Народы Азии и Африки. 1979. № 3.*
10. *Туганов М. С. Кто такие нарты // Известия Осетинского научно-исследовательского института краеведения. 1926. № 1. С. 327-373.*
11. *Тресков И. В. Фольклорные связи народов Северного Кавказа. Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд., 1963. 343 с.*
12. *Гутов И. Рубежи веков и эпос о нартах. Нальчик: КБИГИ, 2011. 36 с.*